

Олег Ермаков

КИПИТ И ПЕНИТСЯ ДУША

Природа страсти, явленная в Слове

Oleg V. Yermakov. Soul is boiling and foams.
Nature of passion revealed in the Word

Страсть как кипящая суть и строение фаллоса.
Passion as the boiling essence and structure of the phallus.

ЧИСЛОВО
САКРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
РИФМА ЧИСЛА, АРИФМЕТИКА СЛОВА

Киев – 2016

Luna * Oleg * Vladimirovich * Ermakov

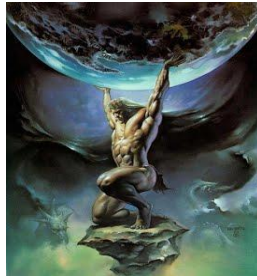
Dear friends!

My name is Oleg Yermakov. I was born in Russia, graduated from Kyiv National University of T. Shevchenko (Ukraine), I live in Ukraine. In April 2009 I created the Unified Field theory which I would like to offer to your attention. The work is written in Russian.

Your sincerely,
Oleg Yermakov

Все тайны Мира и Луны. Книга «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», скачать:
All mysteries of the Universe and the Moon. The book «Planet Love. The basics of the Unified Field theory», download:
https://www.academia.edu/2475366/Planet_Love._The_basics_of_the_Unitary_Field_theory_in_Russian

МИФ

Древнее народное сказание о легендарных героях, богах, о явлениях природы. М. о Прометее.
2. перен. Недостовверный рассказ, выдумка. М. о пришельцах.
3. То же, что вымысел (в 1 знач.).
Вечная любовь – миф. || прил. мифический, -ая, -ое.

Толковый словарь Ожегова

ОСНОВАНИЕ ЭТОЙ РАБОТЫ

С^{то}лп работы сей — **Миф**. Только он, Сердце наше — у^{ма}м Аргу^{мент}, т^{айн}ый т^{лен}ной науке¹ как Всё ничему. **Миф есть Сущее: Мир в очах зрячих как Целое в части согласной своей**². А^{вто}р Мифа есть Бог, его Сердце; Мир — тело при нем: Миф как плоть. Мифа взор — очи зрячие: Вечности в^зор и п^{ри}частных ей; очи слепые — взор бренья и всех сущих им, коим Мир есть **мираж**. Т^{лен}ным нам, бреньем б^{од}рым, Миф — **Сон**: То как с^{мер}тных О^{сно}ва, дом П^{ра}ш^уров, кои в нем есть корни наши: **не сущие** в Сем как **несущие** нас. Мира части, мы есть **части Мифа**: он есть Со^{ста}в наш, капль своих О^ке^{ан}³. С тем, **Миф — сам человек, человечность — мифичность (Мооп'хгаузен — дух наш), познать Миф — познать Я свое**. Мир как Суть д^{ок}а^зать — Миф ст^яжать о^ко^м ч^{ист}ым, с^{тез}ей к^{оч}евой⁴ (ибо в^{идет}ь — идти, очи — ноги-к^{рыл}^а⁵): до Са^ус^ы, П^{ри}чины дойти: в Том — до Гос^{пода}, в Сем — до **Луны**, **Мены**, т^{рона} Его и **ларца**.

¹ Дитя **Арес**готеля, Розни посла, очи наши разъявшего: Сердце, Единое — в Ум пустой, Два.

² Мир — Творение Бога, Тьма-Свет, Лоно сущих, в **Селене** **Вселен**ная их. О Реальности сей **оссе**вой пишет Л^{оссе}н в своей «Диалектике мифа»:

Разумеется, мифология есть выдумка, **если применить к ней точку зрения науки**, да и то не всякой, но лишь той, которая характерна для узкого круга ученых новоевропейской истории последних двух-трех столетий. С какой-то произвольно взятой, совершенно условной точки зрения миф действительно есть вымысел. Однако мы условились рассматривать миф не с точки зрения какого-нибудь научного, религиозного, художественного, общественного и пр. мировоззрения, но исключительно лишь с точки зрения самого мифа, глазами самого мифа, мифическими глазами. Этот вот мифический взгляд на миф нас тут и интересует. **А с точки зрения самого мифического сознания ни в каком случае нельзя сказать, что миф есть фикция и игра фантазии**. Когда грек не в эпоху скептицизма и упадка религии, а в эпоху расцвета религии и мифа говорил о своих многочисленных Зевсах или Аполлонах; когда некоторые племена имеют обычай надевать на себя ожерелье из зубов крокодила для избежания опасности утонуть при переплывании больших рек; когда религиозный фанатизм доходит до самоистязания и даже до самосожжения; — то весьма невежественно было бы утверждать, что действующие тут мифические возбудители есть не больше, как только выдумка, чистый вымысел для данных мифических субъектов. Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но — **наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это — совершенно необходимая категория мысли и жизни**, далекая от всякой случайности и произвола. Заметим, что для науки XVII-XIX столетий ее собственные категории отнюдь не в такой мере реальны, как реальны для мифического сознания его собственные категории. Так, например, Кант объективность науки связал с субъективностью пространства, времени и всех категорий. И даже больше того. Как раз на этом субъективизме он и пытается обосновать «реализм» науки. Конечно, эта попытка — вздорная. Но пример Канта прекрасно показывает, как мало европейская наука дорожила реальностью и объективностью своих категорий. Некоторые представители науки даже любили и любили цеголять таким рассуждением: я вам даю учение о жидкостях, а существуют эти последние или нет — это не мое дело; или: я доказал вот эту теорему, а соответствует ли ей что-нибудь реальное, или она есть порождение моего субъекта или мозга — это меня не касается. Совершенно противоположно этому точка зрения мифического сознания. Миф — необходимейшая — прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая — категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это — подлинная и максимально конкретная реальность. // ... // Миф не есть бытие идеальное, но — **жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность**.

³ Осознание себя частью Мифа, т.е. **единородной частью Вселенной** — отличие мага от **обы**чного человека (так зрит Кастанеда). **Маг** (**маха** — **вед**икий (санскр.)) — **во**пи: **во** Г^{луб}и, Мир идущий, **Тро**пы сей **ви**тро^п: сила мага — очей **Си**ла, Миф как **Се**лена, **Мах** (авест.), **сип**ен коей всяк как **Мах**и^{ним} **к**ры^л.

⁴ Так ст^яжал его Скиф, П^{ра}ш^ур наш.

⁵ Ибо о^{нти}ка — **пти**ца: **ду**ша, суть **ду**ш^а.

AB OVO

САКРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА, МОЙ МЕТОД

Ab ovo. The sacral linguistics, my method¹

Сакральная лингвистика — наука о верном делении слова, стоящая на двух столпах. Первый: Слово как Сущность тождественно Богу и Миру (**Вселен**ной). Речет **Еван**гелие: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1), — т.е., сущее прежде всего, **Слово** есть Бог, Родитель, и Мир, Дитя: ведь кроме Мира у Господа нет ничего. Столп второй: Слово, сущих Оплот, не несет корень как часть свою, как мнят ныне, — *корень есть оно всё*². С тем, деление слова к Познанию вершимо не от части к Целому, но встреча — от Целого к части: в Глубь слова, сиречь **Свер**ху вниз. Так, **AB OVO**, течет от **ис**тока река: Мир — от Бога. Так, Богом творим, в себе делится Мир без **разъ**я|тья; так в лоне **вз**Ра|стает дитя: тело — из **гол**'**OV**'ы, его корня. Деля так, мы, с Богом идя, зрим чрез сл'**OVO** всё сущее Мира и **дверь** в Мира **Цель**ность, **Л'**уну³.

WORD IS THE WORLD

Суть познать — от нее ступать нам: от **Причины** к **Причине** **возв**Ра|тным путем кольц**евым**. Так ступает душа, коя — мы, **ис**кРа| Божья, вершащая По|**ис**к: от Бога ко Богу, **из** — **к** — **Ра**. В том — са|кРа|льной **Л'IN**'гвистики суть. Луна, Речь (**Вак** (инд.)) — Корнь сей науки, частиц ее **Вак**уум; **да**тель ее людям — **Вакх**: Слово, **Сок** Луны, **Я'God**'ы **вак**антной⁴; **ав**тор в мир'у ей — **Сок**Ра|т, **ви**но|чер|пий его⁵; глас забытой ее — я, восшедший от физики, ложного взора (**Природа**⁶, греч. фюзис, как явь **Ares**'тотеля — Мир безго|ловый: без Неба Земля, Дол без Выси), к линг'**VIS**'тике, науке Слова как Мира, Сосуда и Поля всего.

Труд сакральной лингвистики, Вакха стези: выжать из речи Мир как из ягоды сок, чтоб испить его нам.

¹ **Met-hod** — к **Met**é, Цели **hod**, суть наука Ид/ти-Дос/ти|гать. От поры Аристотеля, Землю **разъ**я|вшего с Небом, Главой ее, слово Полета «метá» переводят как плоское «после», «за», чья имманентность, тогда как Цель — «над»: Трансцендентное, Вось, коей мудрый крылат.

² Корень, Целое, мнят ныне частью, деля **слово, корнь себя**, на корень, суффикс, приставку и окончание. Слова как корня единого явь — **Сан**/скрит (**Дева**|**нага**/ри), где буквы слов сущих с'**VIS**'ают с опоры единой, как смертные люди с Небес, бренье с Вечности: **संस्कृता**. **План**ка планок, Опора-**Выс**'ь, Ось (**VIS**'ь (укр.)) — Речь, слов Душа: **Луна**, **Дева**, змея (**нага** (санскр.)) кольцевая.

³ «Все те, кто поистине уходит из этого мира, идут к Луне. (...) Поистине Луна — это врата небесного мира», — рекут о том Веды (**Кав**)шитаки-упа|**ниша**да, I, 2). Поистине Небо, Вось — Мир как Ед|и|ство, каким и **есть он**; Земля, Дол — Мир как Рознь, коею он не есть.

⁴ Согласно открытию NASA, **Луна** — пустотелый сосуд: Полн'ость, тайная смертным очам, что навыворот зрят.

⁵ Бич дней сих, Стагиритова дочка наука не знает: искусство **Сок**Ра|та **ма**й|ев'тика, данное в помощь **беременным Истиной, людям**, родить Ее — есть **жсам**, **давление Ее из Слова как сока из Я'God'ы-Тьмы, Вино**града (Лозы — по Христу): царь умов **Дионисов процесс**, чьим посредством Мир, в Ягоде сей **Иноград**, извлекается из **древ**них речи корней, **Луны в ней**, ради знания его. Выжать из речи нашей, **вок**ала, Мир — **я**вить **Лу**ну как Сосуд его: **Вак**. Речь как Мать всего, **Мей**у-**Патон**у у Г|**рек**ов (сын коей **Платон** — муж **ре**ч|истый **от**ме|но; Луну звать — лягушкою **к-вак**-ать в ночь **лун**у: **При**чину **петь** **дольне**), **Любовь** как s|**loue**s Суть, от бед всех **Вак**ци|ну (с тем, первой вакциной в миру нас — королева снабдила: **Тьма**, **Ма**ть). Посему без **бок**ала, рекут, нет **вок**ала: без **Вак**ха, **ме**ш|ад вожака и царя Э|лев|синий, аккадского **Син**а, владыки Луны (**Вакх** есть **Бык**, **Сын** Коровы сей, **Бок**, он же **Рог**, ее верный как Два при **Нод**е, **А**пол|лон как **пол**-**Лон**а при **Лон**е, **Лун**е) — нет и речи людей как **рек**и от **Ис**то|ка сего.

⁶ **При** Род|е (Бог (стар.)) — плод Его и подобье: Мир, Божье Дитя.

*Страстью и негою бурно трепещет
Пламя желаний в кипучей крови.
Песня певца за сценой из оперы «Рафаэль»*

Речь о том, что ст**РА**сть наша кипение — истина.
Ибо Любовь есть **ОГО**нь; и как, в колбе кипя,
вещество встает в **АЛОМ**, так в духа кипении,
ст**РА**сти, встает на дыбы наша плоть,
б**ОДР**ит кою р**ЕБЁ**нок **ЭР**от.

Страсть, ки**ПЕН**ие — **ПЕН**ие плоти людской; **ПЕНА** — лик его,
цвет его — **АЛ**ость. Пять, **ПЕН**та — лик Че'**LOVE**'ка: звезда
восходящая, **ПЛАМЯ СТОЛБОМ**. Духи Римлян **ПЕНА**ты — столпы
очага: Огонь, Любовь крепит дом как **ХР**ЕБЕТ. Ф**АЛ**лос, тело Любви —
столб надутых ка**В**ЕРн, иль **ПЕЩ**ЕР: пузырьков Пуст**О**ты (Дух —
она), страсти **ПЕН**ИСтый орган. С тем, **ПЕНИС** есть имя его.

Фаллос — **МЯЧ** женских врат; **МАЧ**о — **МА**ст**ЕР** его,
забивальщик **ПЕНА**льти в них: в **КОЛ**о — **КОЛ**а.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Мужской_половой_член

Приложения

Мистерия Пещеры и Мяча

Из статьи А.А. Бородатовой «Игра в мяч как путь в пещеру предков»
(к вопросу о семиотике ритуальной игры в мяч в древней Мезоамерике)

Игра как обряд инициации

Фабула мифа о героях-мстителях. Близнецы эпоса киче навлекают на себя гнев владык преисподней-Шибальбы тем, что целые дни играют в мяч на дороге в Шибальбу, над головами ее владык; боги смерти принимают это за прямой вызов и желание покорить их (в мифе тотонаков карлики-громы так же воспринимают игру героя на флейте, искусством которой не владеют). Боги приглашают близнецов на соревнование, чтобы завладеть их экипировкой и убить братьев. Герои прячут снаряжение и спускаются в Шибальбу без него. Ночью близнецы подвергаются смертельной опасности в «Домах испытаний», а днем играют в мяч с богами смерти. Герои терпят поражение, и боги смерти убивают их на игровой площадке.

Младшая пара близнецов, обнаружив атрибуты для игры в мяч погибших отца и дяди, расчищают площадку и снова топотом и стуком мяча приводят в ярость богов смерти. Владыки Шибальбы вызывают юношей на состязание. Благодаря находчивости и магическим способностям — как собственным, так и своих помощников, — герои проходят испытания, умирают, оживают, убивают главных правителей Шибальбы, а остальных ее владык лишают могущества, божественного сана, а также их привилегии и любимого занятия — игры в мяч. Вслед за этим братья превращаются в Солнце и Луну.

Миф о героях-игроках, из самой структуры которого априорно следует, что он отражает ритуал игры в мяч, — реконструирован Ю.В. Кнорозовым и исследован Ю.Е. Березкиным как миф на сюжет обряда инициации: испытания близнецов в

преисподней, ведущие к смерти героев и их последующему возрождению (первой пары — в своих детях, второй — в светилах) восходили к инициационным обрядам. Это соответствует данным этнографии, согласно которым повсюду в Америке, где игра имела важное значение в ритуальной жизни и были распространены мифы об игроках (в первую очередь в Мезоамерике, низменностях Колумбии и Венесуэлы, в Мату-Гросу), игра была связана с инициационной обрядностью.

Действующие лица мифа киче. Команды в «Пополь-Вух» представлены тремя парами близнецов, носящими календарные имена; они выступают либо соперниками, когда близнецы в каждой паре играют друг против друга, либо младшая пара (Hun Ahpu, «I Владыка», и Xbalaque, «Маленький ягуар», дети близнецов Hun Hun Ahpu, «I Владыка», и Vucub Hun Ahpu, «VII Владыка») играет против своих братьев-обезьян («I Обезьяна» и «VII Мастер»). Последние — точные аналоги богов-Обезьян у науа — почитались как покровители ремесел и прекрасных искусств, в том числе игры в мяч. Соперниками старшей и младшей пар игроков выступает также команда богов Шибальбы, представляющая двух ее главных владык (судя по именам — «I Смерть» и «VII Смерть» — еще одна близнецная пара).

Юным героям мифа киче, «проглоченным» пещерной пастью, предстоит днем играть в мяч с богами Шибальбы, а ночью проходить через пытки в пяти «Домах испытаний», каждый из которых — метафора мировой пещеры. Испытания герои проходят ночью и начинаются они в Домах мрака и холода (чему соответствуют мотивы сотворения мира во мраке и холоде первоначального пещерного лона и строительства карликами городов в темноте — до рождения первого Солнца). Название пещеры в древнем языке, ak'-nga (T504:23), созвучное одному из имен ее хозяйки — великой богини Луны (лак. Ak'-na), означало «темный дом» (ak' — «темнота», «темнота при дожде», «пещерная темнота», «ночь», перен. «пещера»; ср. ст. actum — «каменный дом», «пещера»). Дом Мрака в мифах горных майя, как и дворец владыки преисподней Миктлантекутли у науа и священная пещера Votan («Место входа [в пещеру]») у цельталей и мамов, описывается как огромный темный дом, в котором таятся неисчислимые опасности, но в котором одновременно — залог возрождения (Вотан — третий день календаря горных майя, соответствовал дню Ак' у майя низменностей; имя Вотан и эпитет «сердце народов» носил Хозяин пещеры).

(...)

Богиня Луны — покровительница «лунной игры». Знак in («семя», «дождь»), изображенный на мячах, нередко стилизован под знак женщины или вписан в лицевой знак женщины: «Женщиной» в Мезоамерике именовалась владычица ночи, Луна. Этот знак, по общему мнению, изображает молодую богиню Луны (она, согласно II реформе календаря, заменила в роли хозяйки неба Луны старую богиню Чак Кит); он показан первым в блоке ch'ur-haa, стоящем в «формуле возрождения» в позиции сказуемого («бывшая женой»); второй знак (в данном блоке суффикс) — знак воды, древнейшая общемезоамериканская пиктограмма Облачной пещеры и ее главной хозяйки у ольмеков, владычицы вод Луны. Боги и богини, связанные с Луной, изображались сидящими в полном знаке Луны-пещеры, на полумесяце или с

полумесяцем за спиной. Гротом/полумесяцем окружает Пернатый Змей сидящую в пещере Великую богиню Луны ольмеков на стеле 19 в Ла-Венте; в пещере-преисподней, полуокруженный изогнутым в виде полумесяца знаком земли, показан главный бог дождя в рукописи (Д59а2). К богине могла иметь отношение надпись на мяче, на который рукой опирается победитель в сцене на сосуде: «VII Женщина»; она же в другой надписи в той же сцене названа «хозяйкой входа». «Входом» именовалась пещера-преисподняя. В надписи над мячом между соперниками упомянут «очищающий большой путь» по преисподней. Видимо изображенная на сосуде игра была посвящена поминанию владычицы, а на мяче — имя ее покровительницы, богини Луны.

В нескольких поминальных текстах дата возвращения призрака на землю дана и по солнечному, и по лунному календарю (например в надписи на упомянутом сосуде из Наранхо — J8). Лунная дата показана в блоке, главный знак которого изображает черный диск Луны перед началом лунного цикла, в новолуние, с которого начинался счет дней в лунном месяце. Диск Луны, подобный черному мячу, вписан в знак воды — пиктограмму пещеры, хозяйкой которой с древнейших времен, как мы упомянули выше, считалась повелительница вод, покровительница женщин, рожениц и женских занятий — Луна. Она в новолуние «уходила в свой колодец» — поэтому приобрела на Юкатане имя «Та, что в глубине колодца»; здесь она наполнялась водами и начинала расти — как плод в утробе матери (Луна универсально связывается с зачатием и развитием плодов живой природы), чтобы потом пролиться на землю оплодотворяющим дождем. Это в ее лоне-пещере, служившем поэтической метафорой женского лона, очищались и реинкарнировались души, совершалось «второе рождение» иницируемых подростков.

(...)

Эпоха ольмекской цивилизации, когда во главе пантеона ольмеков стояла Великая богиня Луны, была временем господства лунного календаря (в нем основной единицей был «полугод», приравненный к сезону и состоящий из шести лунных месяцев). Поэтому все виды обрядности, в том числе ритуал игры, были связаны с лунной календарной символикой. Богиня могла выступать как главная покровительница игры в мяч.

(...)

...мяч во время поминальных игр воспринимался как символ плода — реинкарнирующейся души, от которой, как считалось, беременела женщина. Мяч служил также символом Луны и богини Луны, участвовавшей в процессе реинкарнации: это в ее лоне — мировой пещере — плод очищался для последующего воплощения в лоне женщины, которой покровительствовала богиня. Поэтому имя богини появляется на мячах и в надписях, сопровождающих игры.

(...)

Кровопролитие на поле стадиона. В мифе и ритуале жертвоприношение совершается в центре стадиона — в самой сакральной точке мироздания, в месте «входа в пещеру» и отправления культа богов дождя и предков. Это место на стадионах отмечено кругом, лункой или круглой плитой. Здесь изображается мяч с черепом — головой бога смерти на нем, посланник со вскрытой грудью, сидящий на алтаре, или бог смерти, поднимающийся из тела жертвы. На мировое дерево, растущее в центре игрового поля, как в ритуале игры у криков, или у стадиона, как в мифе киче, вешается отрубленная голова игрока, и дерево покрывается плодами. Бог астеков Уицилопочтли обезглавливает сестру над лункой («местом черепа») в центре Teotlachco, «Площадки бога для игры в мяч»; из лунки начинает бить вода, заливая поля вокруг и неся благоденствие. Согласно другой версии Уицилопочтли обезглавливает сестру и сбрасывает ее расчлененное тело с вершины Змеиной горы к ее подножию — лунке на поле Теотлачко.

(...)

Стадион — модель мировой пещеры. Игры, как и другие сакральные сцены, разворачиваются в широко раскрытой пасти Облачной рептилии или маркируются символами пасти. На рельефе из Веракруса боги-Обезьяны, покровители игры в мяч, трубят в змеиные горны, перекрещенные между собой в виде сакрального знака k' ah — символа центра мира и Облачной пещеры, стоя на ступенчатой платформе стадиона — символе горы с пещерой внутри; в пещере — голова Облачной рептилии; перед ней — две головы Летучих мышей, охраняющих вход в пещеру. Посланник сбрасывается вниз по ступеням стадиона в зубастую пасть пещеры, он обезглавливается в пещерной пасти.

Все приведенные выше тексты убеждают нас в том, что стадион моделировал пещеру. Первоначально «расчищенная от леса огнем площадка для игры» в центре селений была по длине ограничена двумя параллельными платформами (концы оставались «открытыми»): они не давали мячу уходить за пределы поля и служили для зрителей. Позже стадион — уменьшенная копия площади — оказался на дне гигантского колодца, каким представала главная площадь города, со всех сторон окруженная храмами на пирамидах. В древнем языке майя понятия пещера и стадион также восходили к одной морфеме — ngom (T 1016); свидетельства этого сохранились во многих языках майя: kom/hom/hem — «отверстие», «пещера», «площадка для игры», «погребение», «колодец», «ущелье», «межгорная долина» (иероглиф n gom изображает голову бога долин, олицетворявшего пещеру). Важно отметить, что омоним ngom (букв. «спешащий») означал и самого посланника, отправляемого к богам пещеры на площади-стадионе.

Стадион представал моделью знаково организованной Вселенной: каждый его элемент, как и все целое, семиотически воспроизводил мировую пещеру. Иероглиф майя, изображающий план «закрытого» стадиона (K531/T727 b), включает основные семиотические точки пространства: лунка в центре и кружки, отходящие цепочкой к каждому из четырех углов стадиона, являют «карту» мира; статуи «атлантов» — воинов-знаменосцев и игроков с чертами бога дождя Тлалока, установленные в

четырех концах поля на стадионе в Толлане, воспроизводили идею мировых «угловых» деревьев.

Стадион как путь. Стадион моделировал пещеру и одновременно служил дорогой в нее, что особенно наглядно на стадионах «открытого» типа. Через центр поля проходила вертикальная ось мира — ствол мирового дерева, обвитый Змеем. Игровая аллея ассоциировалась с горизонтальной осью мира, также Облачным Змеем, и ориентировалась, следуя ольмекской традиции, как правило, по линии север-юг. Скульптурное изображение этой оси представлено на стадионе в Ушмале в виде двух Облачных Змеев, вытянутых вдоль стен по обоим краям поля.

Можно с уверенностью говорить о том, что идея пути была одной из центральных в концепции игры: двумя главными в семиотическом плане структурными элементами стадиона были аллея поля — проход, дорога (be, T301) и лестница платформ (e b, T843). Эта концепция получила свое архитектурное оформление в конце II тыс. до н.э. у ольмексов на побережье Залива. Возможно вытянутая площадь-стадион, ориентированная строго на север, и послужила моделью для организации ритуальных центров ольмексов. Это не замечено исследователями из-за гигантских масштабов сооружений, вполне объяснимых в контексте ольмекской обрядности.

Узкое игровое поле, расположенное между двумя ступенчатыми платформами, воспроизводило проход по дну ущелья, ведущий к пещере (др. ho, T17, — «вход», «пещера», ст. hol, holol — «отверстие», hol tun — «пещера». hom — «темное, глубокое ущелье»; ср. также becan — «ущелье», «ров», от be — «дорога»). Согласно мифу, этот проход возник, когда правитель тольтеков, учреждая игру, провел линию поля первого стадиона, и по ней «разверзлась земля».

(...)

Лунка, кольцо, диск — проникновение внутрь пещеры. Целью игры и было это проникновение: игроки старались прогнать мяч через кольцо («самое сердце игры»); на «открытых» стадионах игроки, возможно, метили мячом в маркеры на стенах так, чтобы мяч, отскочив, вернулся к центру поля. Кольцо и его аналоги — диск на столбе, лунка и круглая плита в центре поля — ассоциировалось с входом в пещеру и на языковом уровне: ul — «отверстие» [*отсюда — улей, дом с дыркой — О.Е.*], «вход», «расщелина», «ущелье», омон. «кровь», «душа», «мяч»; знак c/chi — «вход», «пасть», «пещера», представляет изображение сведенных в знаке отверстия пальцев руки; син. ho (T 18), ст. hol, — «вход», «отверстие», «входить», «пещера» (ст. holtun — букв. «отверстие в камне»), изображает дорогу, ведущую к отверстию со знаком ul внутри. Все символы входа в пещеру (itzompan, «место черепа» у науа) ассоциировались с головой жертвы, мячом и плодом, с водным резервуаром под корнями мирового дерева («колодец воды» внутри itzompan).

(...)

В некоторых сценах ступеней на стадионах — шесть. На этот факт впервые обратили внимание Л. Шиле и Н. Грубе, не дав ему объяснения. Мы полагаем, что

шесть ступеней стадиона, согласно одной из древнейших версий строения Вселенной, символизировали шесть сфер пещеры — слоев мироздания (после II календарной реформы ранняя и поздняя версия деления пещеры-преисподней на девять миров сосуществовали). В виде шести ступеней представлены фасады Храма Кецалкоатла в Теотиуакане, с четырех сторон украшенные головами Пернатого Змея и Каймана-Тлалока — владык пещеры. Вероятно, теми же представлениями было продиктовано и количество маркеров на стадионах «открытого» типа. Шесть карликов богини Луны у ольмеков, «шестерки» богов у майя, в том числе шесть «демонов» пещеры, шесть держателей неба, шесть струй крови, бьющих из отрубленной головы и тела игрока и т.д., были связаны с символикой лунного календаря.

(...)

Путь в пещеру — дорога на север. Стадион зримо воплощал идею пути в страну предков: перелетая с южного конца поля в северный или спускаясь по ступеням к центру поля, мяч прокладывал путь в страну предков на севере. Север у ольмеков — об этом говорят культ и ритуал — считался основным направлением в связи с представлениями о приходе предков из северной прародины.

По этому пути — покрытой известковым раствором «белой», по символике цветов северной, дороге, по «холодной» и потому ведущей на север «лестнице», как и близнецы мифа и души умерших, отправлялись вслед за мячом в пещеру. Все это подтверждает нашу идею о том, что оба понятия, связанные с конструкцией стадиона, — лестница и игровая аллея, — были связаны с идеей пути на север.

Бог смерти в виде скелета, владыка царства мертвых на севере, поднимается из сосуда, стоящего на стадионе в символе пасти-пещеры, наполненной водой и окруженной облаками (рельефы в Эль-Тахине). Герой мифа, стоя перед деревом-Кайманом, держит шест, поднимающийся из сосуда (рельеф стелы 25 в Исапе); шест обвивает Змей, голова, которого показана на сосуде. Этот последний символ, как и сосуд, стоящий в пасти, служит указанием на место действия — северную прародину в пещере: иероглиф в виде сосуда с водой, передавал морфему *ha m*, «сосуд», и по омониму означал «север», т.е. являл собой один из символов наполненного водами лона северной пещеры предков. «Север» приобрел значение «древний», «предок», в связи с тем, что этногонические легенды майя указывали на север как на местонахождение прародины (ср. ст. *ham xib* — букв. «исчезающий позади», «человек с севера», «предок»; *xib* — «призрак», «предок» — корень в названии пещеры, *Xibalba*).

«Белой (северной) дорогой», «Ледяным путем», — майя называли и Млечный путь. Он мыслился продолжением мировой реки (цоц. — «Путь воды»), текущей в ночном небе — по потолку пещеры. Оба направления Млечного пути связывались с этногонической традицией: проходя по широте он воспринимался как путь на запад, куда от перекрестка четырех дорог в Шибальбу вела «черная дорога», и как «черный вход» (блок в надписи на мяче перед летящим вниз посланником), куда садилось Солнце; наиболее важным и значимым, видимо, было прохождение Млечного пути по оси север-юг, когда он вел прямым путем в пещеру предков на севере.

Млечный путь именовался также цоц: «Путь крови», «Путь ребенка», «Дорога, по которой отходят родильные воды», «Живая веревка», «Пуповина», «Молочная дорога», — и связывался с кровью, водами первоначального лона, с грудным молоком (им наполнено в мифах науа Молочное дерево, кормящее молоком души младенцев в раю бога дождя). Толстая «Живая веревка», наполненная кровью, она же «Белая дорога», согласно юкатанскому мифу, тянулась в небе с востока на запад в начале времен (в конце первого «творения» вытекшая из обрезанной пуповины-веревки кровь превратилась в воды потопа). По «Дороге воды» текли пещерные — «священные», «девственные» воды, которыми очищались для реинкарнации души умерших и инициировались подростки. По этой универсальной дороге, связующей миры, циркулировали души, млечный сок, вода, кровь — жизненная субстанция, соединявшая каждое живое существо с породившим его лоном пещеры.

Семь — число мифической прародины. Кровь из обезглавленных игроков бьет семью струями в виде змей; одна из струй на стадионе в Чичен-Ице показана как цветущая ветвь. Так закодировано имя одной из древнейших мезоамериканских богинь — богини вод, растений, плодородия и любви, позднего варианта великой богини Луны с календарным именем «VII Змея» («Семь Змей»). Богиня почиталась как хозяйка пещеры и олицетворяла пещеру: в Чичен-Ице ее платье изображалось как панцирь черепахи, из которой поднимается мировое дерево.

«Семь Змей» не только передавало имя богини: так кодировалось одно из названий мифической страны предков — указывалось место, куда направлялся посланник. В этногонических легендах науа и горных майя эта страна именовалась «Семь пещер», «Семь ущелий».

Число 7 (уис, омон. «древний»), по нашему мнению, было символическим числом мировой «змеиной» пещеры в именах ее владык: это упоминаемая на сосудах богиня Луны «VII Женщина» — вероятно, та же богиня «VII Змея», она же — «Семь початков»; бог Солнца «VII Попугай»; хозяин лесных животных, бог-Олень «Семь раз гоняющий [дичь]»; бог и богиня Пекари, она же богиня радуги «VII Пекари»; «Владыка Семи Земель» (бог Ицамна); бог дождя и творец Кецалкоатл VII Ehecatl («VII Ветер»); герой эпоса киче «VII Владыка»; бог Летучая мышь VII Zotz и многие другие. В принципе любой из богов в образе зверя или птицы, предок, родоначальник и «очиститель», воплощение одного из созвездий Зодиака (пещеры — «дома» светил и планет), мог быть обозначен цифрой 7. Все природные объекты, которые увязывались с числом 7 (семь горных вершин, рукавов в дельте рек, звезд в созвездии и т.д.) приобретали сакральный смысл и ассоциировались с мировой пещерой.

(...)

Игроки как культурные герои. В юкатанском мифе говорится, что карлики — колдуны, мудрецы и знатоки священных книг, участники ритуалов прорицаний в сценах на сосудах — входили в пещеру и играли в мяч, «когда приходило время» (курсив мой — А.Б.). Время для игры, как мы показали, приходило в самые важные моменты жизни общества и каждого его члена: во время сева и обрядов инициации,

поминальных церемоний и охотничьих ритуалов, на празднике подтверждения власти владыки, при отправлении посланников к богам и др.

Опасной, изнурительной, искусной игрой игроки завоевывали право при жизни проникнуть в мир духов и богов, к источнику изобилия, вечной жизни и сакрального знания, они раскрывали путь в пещеру. Этот мотив прокладывания дороги в пещеру прыжками, топотом и стуком мяча аналогичен универсальному мифологическому мотиву пробивания героем преграды, отверстия в дереве/скале с тем, чтобы добыть спрятанные там жизненно важные объекты (воду, огонь, кукурузу, светила), навыки и знания. Герой мифа тотонаков, победив в игре владык пещеры, учит людей лепить курильницы, танцевать, петь и играть на музыкальных инструментах, а поверженных громовников — посылать дожди на поля. Герои киче, победив богов смерти, утверждают новые ранги в божественной иерархии и превращаются в Солнце и Луну, начиная тем самым новый цикл жизни мира — новое «творение».

Целью игры в широком смысле было проникновение в пещеру. Именно поэтому миссия игрока почиталась аналогичной миссии культурного героя, а гол у астеков отмечался как геройский подвиг. Выдающиеся игроки, подобно древнегреческим атлетам, победителям олимпийских игр, становились героями и покровителями сограждан, посредниками между ними и богами; они восстанавливали мировое равновесие, отводили от народа беды и способствовали его процветанию; им поклонялись после смерти как полубогам.

<http://deja-vu4.narod.ru/Ballgame.html>

Приложение 2

Сила любви

сказка

Восславим Творца, о друзья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Некий Ученый, пленившийся песней Соловья, задумал постичь ее тайну. Часами, забыв о других весьма важных занятиях, слушал он вольную птицу в саду, но искусство ее оставалось ему все такой же загадкой. Он хотел разузнать все у самого Соловья, но это был гордый Ученый, и он не любил быть просителем. Однако же любопытство его взяло верх.

— Послушай, Соловей, — обратился он к птице важно, — я познал мудрость многих наук, но не могу понять: отчего и как ты поешь?

— Пой — и поймешь, — сказал Соловей.

— Что за странный совет! — удивился Ученый. — Или не видишь: я не артист. Мелодия твоей песни томит меня как ничто в целом мире. Поведай же, прошу, ее секрет!

— Пой, — сказал Соловей, — мне нечего добавить к этому.

Гнев затуманил взор Ученого.

— Упрямец, — зло прошептал он, — ты вздумал смеяться надо мной! Вот как ценима моя благосклонность. Ты не желаешь открыть мне свою тайну? Так погоди же, я возьму у тебя ее сам!

Он поймал певца и посадил его в клетку. Но в неволе Соловья будто подменили: он перестал петь!

— Эй, приятель, куда подевалась твоя песня? — досадливо вскричал Ученый, но ответом ему было глубокое молчание. «Должно быть, Соловей утаил ее в своем горле. Проклятая птица! А ну-ка погляжу, какие рулады она посмела скрыть от меня».

И сказав так, служитель науки убил прекрасную птицу. Острым лезвием он рассек ее горлышко, но не нашел ничего кроме бездыханной плоти. Тогда он решил искать глубже. Вспоров нежную грудку, он извлек внутренности и долго колдовал над ними, взвешивая и наблюдая в микроскоп.

Он очень старался, этот достойный Ученый, трудясь день и ночь без сна и отдыха. Увлечшись, он позабыл, чего искал вначале. А когда тетрадь его распухла от множества пометок, написал мудреный трактат «О Соловье», на треть из латинских слов и на четверть из греческих.

Трактат принес Ученому успех. Сановный двор воздал ему хвалу, и сам Первый Министр увенчал его венком из лавра. Седые академики рукоплескали его открытиям. Коллеги наперебой расточали похвалы.

— Какой талант у этого Ученого! Какой пытливый ум! — восторгались одни.

— Подумать только, он первым в мире исчислил объем соловьиных легких! — упоенно вторили им другие.

— И гортань, — поражались третьи, — он измерил ее как никто доныне! Есть ли равный ему в науке опыта?

Грудь Ученого украсили медалью. Она была из чистого золота, и Ученый мог по праву гордиться ею: ведь он так славно потрудился!

Ученый ликовал. К его возвращению прислуга навела в доме образцовый порядок. Когда вся обстановка сияла великолепием, взгляд горничной упал на труп небольшой птицы, одиноко лежащий на столе хозяина.

— Что за гадость! — всплеснула руками служанка. — И как это я не заметила его раньше?

И она смахнула легкие останки в корзину для мусора.

* * *

— Хвала, хвала Ученому! — трубили на всех площадях глашатаи.

— Почет и уважение умнейшему из граждан! — зывали риторы в Высоком Собрании. Простодушный народ не мог сдержать радости слыша эти слова. Смех и веселые возгласы звучали окрест. И посреди этого ликования лишь один человек не спешил разделить его, оставаясь тих и печален. Это был сам Ученый.

Слава пришла к Ученому, но покой оставил его. С тех пор как был написан трактат, приступы странной тревоги стали посещать его, едва лишь на землю спускались сумерки. Какая-то неодолимая сила влекла Ученого в сад, и там, стоя под ветвями, он напряженно вслушивался в вечернее безмолвие, словно пытался уловить нечто забытое и давно утраченное. Что же? Ученый не мог ответить. Ведь он имел почет и богатство, а что нужно людям сверх этого?

Однажды, когда глубокой ночью Ученый ворочался в своей постели в напрасных попытках заснуть, луч луны упал в раскрытое окно. Он легко коснулся лица Ученого, приглашая в путь, и Ученый, словно давно ждавший, откликнулся на этот призыв. Он взглянул в окно и увидел тропу из лунного сияния, серебром мерцавшую меж деревьев. Дивная легкость наполнила Ученого. Он пошел по тропе, и она привела его на край утеса, темной громадой высившегося над окрестными холмами и рощами.

Недвижимые, в небесной вышине сияли звезды. Внизу, припорошенные лунной пылью, ковром смыкались кроны деревьев, а оттуда... оттуда лились до боли знакомые чарующие звуки. То пел Соловей, и звенящая песня его широко и легко заполняла простор. Даль, раскрывшись, внимала ее привету; ей, крылатой, внимали, склонясь, миры. И тогда Ученый понял, о чем тосковал все это время и зачем пришел сюда. «О Соловей, — произнес он, — мне только казалось, что я убил тебя, а ты жив и смерть не властна над твоею песней! Я погубил твое щедрое сердце, но теперь знаю, что должен был подарить тебе свое. Что ж, сегодня я исправляю эту ошибку».

Так сказал благородный Ученый. И светло улыбаясь, он шагнул в беспредельность ночи навстречу песне, которую так любил.

Ведь душа наша — птица, жизнь — песня.

Восславим Творца, о друзья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Ермаков Олег Владимирович • Oleg V. Yermakov

Биографическая справка • Biographical information

Родился в 1961 году в г. Мичуринске Тамбовской области (Россия), там же окончил среднюю школу. В школьные годы — победитель VII Всесоюзного конкурса школьных сочинений в жанре очерка (1975). Окончил Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко по специальности «химия» (1983). Около 10 лет работал в химической отрасли Украины, далее — в журналистике, пройдя путь от репортера до главного редактора всеукраинского журнала. Автор ряда изобретений и цикла трудов о Вселенной, работу над главным из которых, «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», вел в течение 22 лет (1987–2009). Член авторского сообщества Википедии. Автор стихотворного сборника «Сила Любви» (2001), профессиональный художник-карикатурист.

Исследование Вселенной — мое основное занятие. Предаюсь ему со студенческой скамьи и считаю его наследственным: моя бабушка Надежда Зарецкая — конструктор антенного блока первого искусственного спутника Земли, запуск которого ознаменовал начало космической эры человечества, автор ряда изобретений в области ракетно-космической техники, а муж Надежды Георгиевны и мой дед Михаил Мамонтович Зарецкий — брат Нины Ивановны, жены С.П. Королёва, в КБ которого в подмосковных Подлипках бабушка проработала до пенсии. Покоряя Вселенную, в те скудные на житейские блага времена она, бесконечно влюбленная в Землю, страстно мечтала обзавестись ее клочком, чтобы посадить на нем сад. Мечта ее сбылась: хлопотами Сергея Павловича талантливая дочь России получила участок в Болшево (ныне часть г. Королёва), где вырастила чудесный сад и построила дом для большого семейства.

Женат, отец взрослого сына и дед троих внуков. Сейчас живу в Киеве.

Born in 1961 in Michurinsk, a town near Tambov, Russia, where I finished school. During my school years, I won the 7th USSR National School Essay Competition (1975). I graduated from the Kiev Taras Shevchenko State University with a Master's degree in Chemistry (1983). After 10 years in chemical industry in Ukraine, I decided to pursue a career in journalism, where I grew from a reporter to the editor-in-chief of a national magazine. I have a number of registered inventions. I am an author of a series of works about the Universe. My most important work, Planet Love. The basics of the Unified Field theory, or the Introduction to sacral linguistics, took me 22 years to write (1987 – 2009). Member of Wikipedia author community. Author of a published book of poetry Power of Love (2001). Professional caricaturist.

Researching the Universe is my primary occupation and a passion since college years. Passion for space runs in generations in my family: my grandmother Nadezhda Zaretskaya designed the aerial assembly of the first man-made Earth satellite, the launch of which started the space era of the humankind, and holds credit for a number of other space engineering inventions. Her husband, my grandfather Mikhail Zaretsky, is a brother of Nina Koroleva, wife of the great Sergey Korolev – it was in Korolev's Podlipki space design lab near Moscow that my grandmother worked all of her career until retirement. Despite her success conquering space, in those tough Soviet times, her biggest dream on our planet was to own a piece of land to grow a garden. Her dream eventually came true: through Sergey Korolev's patronage, the talented space engineer received a piece of land where she was finally able to grow a beautiful garden and build a house for her big family.

I live in Kiev with my wife. I am a father to a grown son and a grandfather of three.

Телефоны в Киеве:

+ 38 (066) 561-21-20, + 38 (044) 533-12-20

E-mail: hermakouti@ukr.net

Skype: [martin196966](https://www.skype.com/name/martin196966)

Личный сайт, посвященный работе «Планета Любовь»:

<http://www.ivals61.narod.ru>

